

НАУЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ: РАБОТЫ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

DOI: 10.17805/zpu.2025.4.16

Культурная ностальгия и memory studies: междисциплинарные подходы и перспективы исследования

А. В. Головань

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В статье рассматривается феномен культурной ностальгии в контексте исследований памяти (memory studies), подчеркивается значимость междисциплинарных подходов. Автор анализирует способы осмысления ностальгии как социального, культурного и когнитивного явления, а также выявляет основные направления и перспективы дальнейшего изучения этой темы. Показано, что культурная ностальгия может принимать различные формы (от феномена коммеморации до дигитальной ностальгии и политики памяти), осуществляя различные функции в обществе — от сохранения культурного наследия до сознательного манипулирования историческими фактами и артефактами в политических целях. Подчеркивается, что ностальгия может иметь как положительный (воспоминания о положительных моментах прошлого), так и негативный (мифологизация прошлого) характер, соответствующим образом влияя на общественные процессы, задавая позитивную или негативную (например, националистический консерватизм) социальную и культурную динамику.

Ключевые слова: memory studies; культура памяти; культурная ностальгия

ВВЕДЕНИЕ

Культурная ностальгия становится все более важным объектом научного анализа, поскольку она играет значительную роль в формировании коллективной памяти и идентичности. Memory studies как междисциплинарное направление, объединяющее историю, социологию, антропологию, психологию и культурологию, предоставляет теоретические и методологические инструменты для анализа этого многогранного феномена. Исследования памяти анализируют и интерпретируют, каким образом память и особенности ретроспективного восприятия влияют на наше осмысление прошлого, настоящего и будущего и каким конкретно образом индивидуальная и коллективная память, а также механизмы ее сохранения и передачи формируют культурные идентичности, политические взгляды, социальные нормы и ценности. Культурная ностальгия в данном контексте выступает не только как индивидуальная реакция на прошлое, но и как культурный механизм, формирующий восприятие времени и памяти в условиях быстро меняющегося современного мира.

Исследования в области памяти предоставляют практические инструменты для изучения человеческого сознания, восприятия времени и процессов самоидентификации. Память формирует наше представление о себе и окружающем мире и воздействует на принятие этических и моральных решений. Благодаря этому ее свойству в контексте гуманитарных наук подобный подход становится важным для понимания культурных явлений, социальных изменений и создания коллективных идентичностей.

Исследователи памяти, как правило, выделяют несколько ее типов — коллективная, культурная и политическая. Обратимся к понятию «культурная память», в рамках которого в большей степени и реализуется концепт «культурной ностальгии». Термин «культурная память» впервые был предложен немецким исследователем Яном Ассманом, который разграничил два типа коллективной памяти: коммуникативную и культурную (Ассман, 2004). Если коммуникативная память имеет кратковременный характер, ограничиваясь одним поколением, и не привязывается к конкретным материальным символам, то культурная память формируется на протяжении столетий и закрепляется через материальные и нематериальные носители, такие как архитектура, письменные источники, образы, обряды и традиции. Так, поминальные практики (гробница в древнеегипетской культуре) являются первоначальной формой культурной памяти и играют ключевую роль в формировании мировоззрения и самоидентификации народа.

Алейда Ассман, дополняя идеи своего коллеги, акцентировала внимание на изменении роли памяти в современном обществе. Вслед за Морисом Хальбваксом (Хальбвакс, 2007) Алейда Ассман отмечает, что память существует исключительно в рамках социальных структур. Соответственно, человек, принадлежа к различным социальным группам, семье, нации, культуре, усваивает их историю, которая выходит за пределы его личного опыта. Это знание передается через материальные носители и способствует формированию коллективной идентичности (Ассман, 2014).

Исследовательница выделила четыре типа памяти: индивидуальную, социальную, политическую и культурную. Культурная память функционирует значительно дольше, чем временные рамки одного поколения, и фиксируется через институты и материальные артефакты, что обеспечивает ее сохранение на протяжении столетий и отличает от социальной памяти¹. И далее, в отличие от политической памяти, культурная вариация предполагает активное участие реципиентов через чтение, письмо, анализ и изучение. Таким образом культурная память представляет собой сложное явление, которое не только фиксирует исторические события и коллективный опыт, но и интерпретирует их в настоящем, несмотря на то что сами события остаются неизменными. Культурная память характеризуется тем, что она выступает как источник и хранилище ценностей и норм, выходящих за пределы жизни одного поколения и определяющих коллективную идентичность группы. Усвоение норм и ценностей происходит через обсуждение и интерпретацию прошлого опыта, зафиксированного в структурах коллективной памяти.

Изучение культурной памяти предполагает анализ институтов, обрядов и медийных форм, которые создают и передают общее представление о прошлом. Современные исследователи отмечают, что новейшие медиа, мифы, памятники, устные воспоминания, научные труды и даже нейронные сети могут рассматриваться как элементы культурной памяти. Это поле исследования охватывает как целенаправленное создание нарративов и идентичностей, так и неосознанное воспроизведе-

ние памяти через наследие, визуальные образы или телесные практики. Этот аспект *memory studies* исследует образ жизни сообществ, а также сети значений, существующие внутри них, объединяя символические, материальные и функциональные аспекты.

В рамках культурной памяти как части *memory studies* культурная ностальгия рассматривается как один из способов конструирования памяти. Культурная ностальгия в данном контексте базируется на трех ключевых аспектах, позволяющих ей формировать действительность и интерпретировать прошлый опыт.

СЕЛЕКТИВНОСТЬ ПАМЯТИ

Во-первых, для культурной ностальгии характерна селективность памяти (Токмянина, 2016: 228). Сама по себе память избирательна, человеческий мозг удерживает только ценностно-ориентированные факты, отвечающие запросам воспринимающего сознания. Однако в случае с ностальгией это еще более актуализируется — прошлое (или, точнее, наше представление о прошлом) конструируется через выборочные воспоминания, которые отвечают запросам настоящего. Ностальгия всегда избирательна, она обращается только к тем аспектам прошлого, которые соответствуют текущим эмоциональным или социальным запросам.

Усиление этого аспекта в случае с ностальгией связано с ее исторической сутью. Истоком дискурса о ностальгии принято считать творчество Гомера, где греческий корень «*nostos*» переводится как «возвращение домой». Позже, в XVII в. путем добавления корня «*algos*», «боль», уже появляется термин «ностальгия», созвучный современному пониманию. Его ввел в обиход средневековый врач, пытавшийся вылечить представителей «путешествующих» профессий от тоски по родине. И хотя в свете дальнейших культурных и социальных теорий данный термин обогащался и дополнялся в своем понимании, ключевой аспект селективности оставался неизменным. Возвращение домой априори представляется невозможным, поскольку по прошествии времени тот «дом», к которому субъект стремится вернуться, уже не будет похож на прежний (Караваяев, Никитин, 2020: 27). Зафиксированный, «законсервированный» в своем прошлом состоянии объект памяти был отобран субъектом, исходя из своего настоящего состояния и потребности в возвращении и эмоциональном контакте.

В свете этого факта становится очевидным, что рассматриваемая избирательность памяти в рамках ностальгии связана прежде всего с неудовлетворенностью в настоящем. За счет этого происходит еще большая деформация фактов в «ностальгическом» сознании — плохое упраздняется и исключается, культивируется только хорошее. Человек или группа, испытывающие ностальгию, склонны акцентировать внимание на позитивных моментах, игнорируя или минимизируя негативные аспекты.

Так, многие исследователи отмечают преимущество позитивного модуса воспоминаний в рамках ностальгии, об этом пишет, например, Ф. Джеймисон (Джеймисон, 2019). Отчасти это спровоцировано стратегией массмедиа, ориентированных на конструирование привлекательной экранной картинки — намного выгоднее продемонстрировать прошлое в благоприятном свете, поскольку положительные эмоции привлекут больше зрителей. Например, в современной отечественной рекламе режиссеры часто обращаются к советскому прошлому, что подчеркивает качество рекламируемого товара и сопровождается привлекательными образами совет-

ского прошлого. Джеймисон определяет такую стратегию как «жажду картин прошлого», в рамках постмодернизма история, таким образом, конструируется с определенной долей игры и воспроизводится в романтизированном свете.

Селективность памяти тесно связана с понятием «коммеморация», введенным французскими историками: воспоминания формируются и переосмысливаются в зависимости от настоящего контекста. Коммеморация представляет собой понятие, которое прочно утвердилось в современных научных, общественных и политических дискурсах. На сегодняшний день этот термин представляет собой неотъемлемую часть *memory studies*. В узком значении термин охватывает действия, направленные на сохранение памяти о значимых событиях, и включает в себя создание памятников, организацию музеев, установление памятных дат, проведение торжеств, массовых мероприятий, а также материальные объекты мемориальной практики, идеи и текстовые источники. В более широком смысле коммеморация охватывает весь спектр явлений, связывающих общество или отдельного человека с его историческим прошлым.

Функционально коммеморация представляет собой инструмент, с помощью которого осуществляется закрепление и передача коллективной памяти. П. Нора, автор концепции «мест памяти», назвал современность «эпохой коммемораций» (Нора, 2010). Одной из ключевых форм коммеморативной деятельности можно считать установку памятников, которая зачастую используется государством как инструмент влияния на историческое сознание общества. С этим связаны и такие практики, как наименование и переименование улиц, установка мемориальных табличек, а также конструирование новых традиций. Несмотря на близость понятий «память» и «коммеморация», между ними существует принципиальное различие. Память формируется как результат индивидуального или коллективного опыта, в то время как коммеморация представляет собой сознательно организованный процесс, отражающий стремление современного сообщества укрепить свою идентичность и единство через интерпретацию и репрезентацию событий прошлого.

Таким образом, коммеморация играет ключевую роль в поддержании связи с историческим наследием, создавая символический мост между прошлым и настоящим. Если память включает взаимодействие процессов запоминания и повторения, то коммеморация представляет собой осознанное и целенаправленное воспроизведение этих процессов для укрепления социальной сплоченности и формирования коллективного сознания.

Коммеморация может стать способом преодоления неопределенности и нестабильности в современности — через ностальгический дискурс формируется идеологическая «опора», к которой обращаются субъекты. Так, экономические и политические кризисы часто стимулируют ностальгию как способ противостояния хаосу. Когда существующий общественный строй оказывается неспособным адаптироваться к изменениям времени и перестает удовлетворять актуальные социальные потребности, возникает запрос на трансформацию, который может проявляться в романтизации прошлого. Это прошлое, в свою очередь, начинает ассоциироваться с эпохой значительных и положительных исторических перемен.

МЕДИАТИЗАЦИЯ ПАМЯТИ

Второй характерной чертой культурной ностальгии становится медиация воспоминаний: прошлое часто воспринимается через медиальные образы, такие как

фотографии, фильмы или тексты, что формирует определенный «ностальгический стиль». Визуальные, звуковые и текстовые образы, распространяемые через кино, телевидение, музыку, литературу или социальные сети, становятся триггерами коллективной памяти.

Процесс медиатизации культурной памяти, инициированный появлением электронных средств массовой информации, таких как радио, кинематограф и телевидение, стал особенно заметен в условиях их цифровизации (Артамонов, 2022). Ю. М. Лотман трактовал культуру как коллективную память, опирающуюся на исторический опыт, и выделял два аспекта восприятия прошлого: непосредственное сохранение текстов и их соотнесение с внешними культурными контекстами (Лотман, 2000). По Лотману, несмотря на то что содержание памяти всегда обращено к прошлому, сама память функционирует как инструмент познания в настоящем.

Таким образом, культурную память можно понимать как активный механизм, который организует, перераспределяет и забывает тексты, формируя их иерархическую структуру. Тексты, в свою очередь, создают основу для множества интерпретаций, способствуя формированию исторических образов, которые переносятся в прошлое и одновременно влияют на настоящее, устанавливая между ними диалог. Выполняя мнемоническую функцию, тексты способны сохранять и воспроизводить свои первоначальные контексты, а также концентрировать в себе культурное наследие.

Я. Ассман, развивая идеи Лотмана, акцентировал внимание на том, что прошлое существует лишь при наличии к нему обращений, для чего необходимы сохраненные свидетельства (Сабанчиев, 2016: 268). В устной культуре хранителем памяти выступает язык, фиксирующий традицию, тогда как в письменной — текст, структурирующий канонические представления о прошлом.

Современная культурная ностальгия, несмотря на свою тесную связь с технологическим прогрессом и направленностью в будущее, является неотъемлемой частью восприятия коллективной памяти и стремится одновременно в два направления: в прошлое и в будущее. С одной стороны, это выражается через увлечение ретро и винтажем, через феномен коллекционирования, а с другой — в культе молодости и технологических достижений. Ретро-стиль в данном контексте представляет собой процесс превращения современных объектов в артефакты прошлого, создавая иллюзию возвращения к ушедшей эпохе. Тексты, о которых пишут Лотман и Я. Ассман, трансформируются и представляют собой новейшие медиа, конструирующие ностальгический дискурс специфическим образом.

Популяризация ретро-стиля в современных медиа активно использует символы прошлых эпох, такие как виниловые пластинки, старинные фильмы и мода различных десятилетий. Эти образы служат своего рода мостом к коллективной памяти, предоставляя доступ к временам, которые могли быть чужды личному опыту зрителей. Особенно это явление выражено среди молодежи, которая может ощущать ностальгические чувства по периодам, которых она не пережила, как, например, «ностальгия по 80-м» у поколения Z (Сапогова, 2019).

Также современная культурная ностальгия как инструмент формирования памяти не выражается в широком культурном контексте, а сосредоточена на частных артефактах, доступных каждому. Каждый покупатель может собрать элементы прошлого, чтобы выстроить собственную идентичность. Здесь образы из прошлого начинают восприниматься как символы стабильности и уюта, часто ассоцииру-

ясь с романтизированным детством. В этом контексте ностальгия не просто воспроизводит прошлое через вещи, но придает им ценностное, а не сентиментальное значение, что подчеркивает важность этих объектов в создании личной истории. В политическом контексте эмоции становятся инструментом формирования коллективной идентичности, стирая границы личного опыта и чувств.

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ

Третий аспект культурной ностальгии представляет собой политику памяти, где ностальгия может быть инструментом для формирования коллективной идентичности или легитимации определенных идеологий. Например, в постсоветских странах обращение к советской эпохе как к периоду стабильности и могущества активно используется в политическом дискурсе. Ностальгические образы используются для конструирования национальной памяти, направленной на укрепление чувства единства. Это не только мобилизует общественные чувства, но и упрощает сложные аспекты исторической памяти, упуская из вида травматические элементы прошлого. Ностальгия может быть использована как средство манипуляции исторической памятью, превращаясь в инструмент политического контроля.

С точки зрения политических стратегий в современном обществе выделяют несколько форм коммеморативных практик, формирующих коллективное сознание. Одна из таких форм заключается в создании мнемонических ориентиров (монументов, мемориалов или символических объектов), которые выделяют и подчеркивают значимость отдельных событий прошлого. Другая форма коммеморации связана с сохранением и поддержанием уже существующих объектов памяти, однако такая практика селективна и неравномерна: определенные события и объекты памяти получают широкую общественную и государственную поддержку, тогда как другие остаются в забвении, вызывая интерес лишь у небольшого круга специалистов. Существует также форма коммеморации, направленная на сознательное забвение или уничтожение памятных объектов. Она проявляется в разрушении монументов, отмене праздников, переименовании улиц и других актах, стирающих следы прошлого. Кроме того, в культурном пространстве появляются тексты и исследования, цель которых — переоценка исторического наследия и его роли в современности. Эти действия зачастую используются как инструмент политического и идеологического воздействия, изменяя восприятие прошлого в соответствии с текущими интересами власти.

Медиа играют важную роль в этих процессах, формируя общественное восприятие прошлого и задавая рамки исторического сознания. Образы истории становятся гибкими и адаптируемыми, изменяясь под влиянием политических и идеологических факторов. В результате создаются версии памяти, которые отражают интересы определенных групп и используются для укрепления официального нарратива. В научной дискуссии такие процессы обозначаются термином «политика истории», который подчеркивает связь между управлением коллективной памятью и изменениями в социально-политической реальности.

В данном контексте также значимым является аспект идеализации и мифологизации прошлого. Ностальгия как способ конструирования памяти нередко сопровождается мифологизацией прошлого. Эпохи и события воспринимаются не такими, какими они были, а через их «восстановленные» образы, зачастую идеализированные. Эта мифологизация может быть как личной, так и коллективной. На-

пример, индустрия туризма активно использует ностальгию, предлагая туристам «возвращение» в исторические эпохи через тематические парки, музеи или реконструкции.

Идеализация и мифологизация прошлого в контексте культурной ностальгии представляют собой переживание утраты, стремление к возвращению в эпоху, которая воспринимается как более простая, гармоничная и ценностно насыщенная. Идеализация прошлого заключается в преувеличении положительных аспектов определенной исторической эпохи или культурного периода, что способствует созданию иллюзорного образа «золотого века». Этот процесс включает не только выборочное восприятие, но и активное упрощение или искажение реальных событий и ситуаций, при этом факторы неудовлетворенности современностью усиливают желание вернуться к этому идеализированному состоянию. Мифологизация прошлого выходит за рамки простого идеализирования и включает в себя создание символических образов, мифов и историй, которые не соответствуют действительности, но становятся частью коллективной памяти и трансформируются в нечто сакральное, что укрепляет чувство идентичности и общности. Современный пример мифологизации можно найти в возвращении к традициям и историческим событиям в контексте национальных движений, например, когда мифы о «героическом прошлом» используются для консолидации народа и оправдания политических решений. В США, например, наблюдается возвращение к образу «американской мечты», идеализированного времени послевоенной эпохи 1950-х гг., когда экономика процветала, а общественные нормы казались стабильными. В этом контексте старые фильмы, музыка и мода тех лет становятся культурными символами, создающими восприятие «лучших времен». Другим примером является ностальгия по советскому прошлому на постсоветском пространстве, где многие люди ностальгируют по жизни при социализме, несмотря на жесткие ограничения свободы и экономические трудности (Mazur, 2015: 213).

Важно отметить также, что ностальгия конструирует память не только через рациональное осмысление, но и через эмоции. Ностальгия активизирует эмоциональные воспоминания, создавая идеализированные картины прошлого, которые контрастируют с реальностью настоящего. Этот эмоциональный компонент служит связующим звеном между личной и коллективной памятью. Например, воспоминания о праздниках, проведенных с семьей, могут быть индивидуальным переживанием, но одновременно они вызывают чувство сопричастности к культуре, которая поддерживает подобные традиции (Абрамов, 2012).

Таким образом во всех упомянутых аспектах ностальгия отражает иррациональные аспекты социального поведения, выходя за пределы прагматичных и рациональных моделей. Так, ностальгическое потребление побуждает человека приобретать устаревшие или неактуальные предметы, которые утратили свою практическую ценность, но сохраняют символическую значимость. Ностальгия в современной культуре представляет собой не бегство от реальности, а важный инструмент конструирования смыслов, социального порядка и культурной преемственности. Ностальгические переживания становятся индикатором необходимости социальных изменений, позволяя обществу переоценивать свои ценности и корректировать направления развития.

Современная культура демонстрирует тенденцию к мифологизации прошлого, которая отражается как в общественной психологии, так и в попытках сохранить

культурную идентичность в условиях глобализации. Символы прошлого используются для консервации социального порядка или, напротив, для его трансформации. Ностальгия может принимать форму статической модели, закрепляющей текущую реальность, или динамической вариации, способствующей социальным переменам. Ее изучение является актуальной задачей, поскольку она играет значительную роль в стабилизации общественных настроений и поддержании культурной идентичности в условиях мировых изменений.

Современные исследования культурной ностальгии и памяти раскрывают многообразие ее проявлений и направлений изучения. Одним из видов ностальгического дискурса в условиях глобализации, цифровизации и изменяющихся социальных условий становится дигитальная ностальгия (Зубанова, 2020).

Цифровые технологии и социальные сети играют ключевую роль в создании и распространении ностальгических образов. Современные платформы, такие как Instagram, TikTok или YouTube, способствуют популяризации визуальных и аудиальных символов прошлого. Например, фильтры, стилизованные под старую пленку, ремиксы на популярные песни прошлого или «вирусные» видеоролики, которые воссоздают эстетику ретро, становятся важными инструментами формирования цифровой ностальгии.

Кроме того, алгоритмы социальных сетей активно поддерживают ностальгические тенденции, предлагая пользователям контент, связанный с их личным опытом или популярными образами прошлого, например, через напоминания о «днягах из прошлого» или архивы старых публикаций. Такой феномен можно рассматривать как новое измерение в понимании памяти, где прошлое становится не только объектом воспоминаний, но и частью актуального цифрового опыта.

Дигитальная ностальгия также выражается через возвращение к устаревшим медиаформатам, таким как виниловые пластинки, кассетные плееры или аркадные игры, которые приобретают новую популярность среди молодого поколения. Это явление представляет собой уникальный пример того, как технологии не только сохраняют, но и возрождают интерес к «несовременному», наделяя его новыми смыслами.

Ностальгия в условиях глобализации приобретает новые черты, становясь транснациональным феноменом, что также является одним из потенциальных направлений изучения культурной ностальгии в современной науке. Прошлое, представляемое через культуру одной страны, может быть интерпретировано и адаптировано в других культурных контекстах. Например, популяризация японской эстетики 1980-х гг., выраженная через моду, кинематограф и музыку (в частности, жанр city pop), нашла отклик в западных странах, формируя новый пласт глобальной ностальгии.

Интерес к «всемирному прошлому» усиливается, благодаря доступности культурного наследия через цифровые архивы и платформы. Так, фильмы эпохи «Золотого века Голливуда», советская пропагандистская эстетика или образы британской поп-культуры 1960-х гг. становятся источником вдохновения для различных культурных и творческих проектов по всему миру. Этот процесс поднимает вопросы о том, как транснациональная ностальгия трансформирует локальную идентичность, формируя новые глобальные символы памяти.

Однако существует и ряд проблем, связанных с распространением ностальгического дискурса. Хотя ностальгия может способствовать укреплению идентичнос-

ти и созданию связей между поколениями, ее влияние далеко не всегда позитивно. Один из рисков заключается в идеализации прошлого и его мифологизации, что может препятствовать объективному осмыслению исторической реальности. Например, популяризация советской символики в современной России зачастую сопровождается романтизацией определенных аспектов советской жизни, игнорируя при этом репрессивные стороны эпохи. Идеализированное восприятие прошлого может также использоваться в политических целях. Например, риторика «возвращения к золотому веку» становится популярным инструментом для легитимизации определенных политических решений или установления консервативных общественных порядков. Еще одной проблемой является поверхностный характер массовой ностальгии, при котором глубокие культурные и исторические смыслы подменяются коммерциализированными продуктами. Примером этого может служить индустрия «ретро-товаров», где товары или бренды прошлого предлагаются как товар, играющий исключительно на чувствах потребителя. В постмодерне ностальгия становится неотъемлемой частью потребительской культуры, которая выстраивает новое единство, собирая разрозненные фрагменты прошлого, подвергая их переосмыслению и трансформации, что ведет к утрате исторической конкретности самого прошлого. В этом контексте ностальгия, как «желание вернуться домой», становится коммерческим продуктом: она и сама, и связанные с ней образы «дома» и «тоски» подвергаются массовому тиражированию. В конечном итоге этот процесс приводит к стандартизации и тиражированию идентичности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог настоящей статьи, отметим, что современные подходы к изучению ностальгии включают в себя использование междисциплинарных методов, объединяющих культурологию, социологию, психологию и медиаисследования. Это позволяет рассматривать ностальгию не только как явление памяти, но и как инструмент, формирующий социальные и культурные смыслы, благодаря чему память становится не только хранителем прошлого, но и активным участником создания настоящего и будущего. Таким образом, культурная ностальгия является многогранным феноменом, который играет важную роль в формировании коллективной памяти и идентичности. В свою очередь, *memory studies* и междисциплинарные подходы позволяют более глубоко осмыслить природу этого явления, раскрывая его культурное, социальное и политическое значение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов, Р. Н. (2012) Время и пространство ностальгии. Социологический журнал. № 4. С. 5–23.
- Артамонов, Д. С. (2022) Медиапамять: теоретический аспект // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. № 2. С. 65–83.
- Ассман, Я. (2004) Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М. : Языки славянской культуры. 368 с.
- Ассман, А. (2014) Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М. : Новое литературное обозрение. 328 с.
- Джеймисон, Ф. (2019) Постмодернизм, или культурная логика позднего капитализма. 2-е изд., испр. / пер. с англ. Д. Кралечкина ; под науч. ред. А. Олейникова. М. : Изд. Ин-та Гайдара. 799 с.

Зубанова, Л. Б. (2020) Цифровая память в пространстве мемориальной культуры: образы прошлого в медиа-технологиях будущего // Челябинский гуманитарий. № 3 (52). С. 15–21.

Караваев, Э. Ф., Никитин, В. Е. (2020) Рефлексия и ностальгия как движущие силы исторической памяти // Colloquium-Journal. № 1–5 (53). С. 37–41.

Лотман, Ю. М. (2000) Семиосфера. СПб. : Искусство-СПб. 704 с.

Нора, П. (2010) Расстройство исторической идентичности [Электронный ресурс]. Мир истории. № 1. URL: <http://www.history.ru/2010/01/pora.htm> (дата обращения: 18.01.2025).

Сабанчеев, Р. Ю. (2016) Культурная память как форма коллективной памяти (эпистемологический аспект). Вече. № 28. С. 267–271.

Сапогова, Е. Е. (2019) Экзистенциально-психологические аспекты переживания «ностальгии без памяти» // Проблемы современного образования. № 2. С. 28–45.

Токмянина, С. В. (2016) Селекция и стирание как основные механизмы функционирования коллективной социально-исторической памяти. Философия в XXI веке: вызовы, ценности, перспективы : сб. науч. ст. / науч. ред. А. В. Логинов ; отв. ред. О. Н. Томюк. Екатеринбург : Издательско-полиграфическое предприятие «Макс-Инфо». С. 228–234.

Хальбвакс. М. (2007) Социальные рамки памяти / пер. с фр. С. Н. Зенкина. М. : Новое издательство. 346 с.

Mazur, L. (2015) Golden age mythology and the nostalgia of catastrophes in post-Soviet Russia. Canadian Slavonic Papers // Revue canadienne des slavistes. Vol. 57. Iss. 3–4. P. 213–238.

Дата поступления: 04.08.2025 г.

CULTURAL NOSTALGIA AND MEMORY STUDIES:
INTERDISCIPLINARY APPROACHES AND PROSPECTS OF RESEARCH

A. V. GOLOVAN

MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES

The paper considers the phenomenon of cultural nostalgia in context of memory studies and highlights the significance of interdisciplinary approaches. The author analyses the ways to understand nostalgia as a social, cultural, and cognitive phenomenon; he also reveals the main directions and prospects of further research on this topic. It is shown that cultural nostalgia can take various forms (from the phenomenon of commemoration to digital nostalgia and the policy of memory) performing different functions in society — from preserving cultural heritage to conscious manipulating historical facts and artefacts for political purposes. It is emphasized that nostalgia can have both a positive (memories of positive past moments) and negative (mythologization of the past) nature, correspondingly influencing social processes, setting positive or negative (for example, nationalist conservatism) social and cultural dynamics.

Keywords: memory studies; memory culture; cultural nostalgia

REFERENCES

Abramov, R. N. (2012) Vremia i prostranstvo nostalgii. *Sotsiologicheskii zhurnal*, no. 4, pp. 5–23.

Artamonov, D. S. (2022) Mediapamiat': teoreticheskii aspekt. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, no. 2, pp. 65–83.

Assmann, Jan (2004) *Kul'turnaia pamiat' : Pis'mo, pamiat' o proshlom i politicheskaia identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* / Transl. from Germ. M. M. Sokol'skoi. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury. 368 p.

Assmann, A. (2014) *Dlinnaia ten' proshlogo: memorial'naiia kul'tura i istoricheskaia politika* / Transl. from Germ. by B. Khlebnikova. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 328 p.

Jameson, F. (2019) *Postmodernism: The Cultural Logic of Late Capitalism*. 2nd ed., revised / Transl. from Eng. by D. Kralechkin; ed. by A. Oleinikov. Moscow, Izd. In-ta Gaidara. 799 p.

Zubanov, L. B. (2020) Tsfirovaia pamiat' v prostranstve memorial'noi kul'tury: obrazy proshlogo v media-tekhnologiiakh budushchego. *Chebelskii humanitarii*, no. 3 (52), pp. 15–21.

Karavaev, E. F., Nikitin, V. E. (2020) Refleksii i nostalgii kak dvizhushchie sily istoricheskoi pamiati. *Colloquium-Journal*, no. 1–5 (53), pp. 37–41.

Lotman, Iu. M. (2000) *Semiosfera*. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB. 704 p.

Nora, P. (2010) Rasstroistvo istoricheskoi identichnosti [online]. *Mir istorii*, no. 1. Available at: <http://www.historia.ru/2010/01/nora.htm> (accessed 18.01.2025).

Sabancheev, R. Iu. (2016) Kul'turnaia pamiat' kak forma kollektivnoi pamiati (epistemologicheskii aspekt). *Vecbe*, no. 28, pp. 267–271.

Sapogova, E. E. (2019) Ekzistentsial'no-psikhologicheskie aspekty perezhivaniia «nostal'gii bez pamiati». *Problemy sovremennogo obrazovaniia*, no. 2, pp. 28–45.

Tokmianina, S. V. (2016) Seleksiia i stiranje kak osnovnye mekhanizmy funktsionirovaniia kollektivnoi sotsial'no-istoricheskoi pamiati. *Filosofii v XXI veke: vyzovy, tsennosti, perspektivy: sb. nauch. st.* / ed. by A. V. Loginov, O. N. Tomiuk. Ekaterinburg, Izdatel'sko-poligraficheskoe predpriatie «Maks-Info», pp. 228–234.

Halbwachs, M. (1976) *Les cadres sociaux de la mémoire* / Transl. from French by S. N. Zenkina. Moscow, Novoe izdatel'stvo. 346 p.

Mazur, L. (2015) Golden age mythology and the nostalgia of catastrophes in post-Soviet Russia. *Canadian Slavonic Papers / Revue canadienne des slavistes*. Vol. 57, iss. 3–4, pp. 213–238.

Submission date: 04.08.2025.

Головань Андрей Владимирович — аспирант кафедры философии, социологии и культурологии Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Российская Федерация, г. Москва, ул. Юности, 5. Тел.: +7 (499) 374-60-21. Эл. адрес: andrey.golovan33@mail.ru

Golovan Andrey Vladimirovich, Postgraduate Student, Department of Philosophy, Sociology and Cultural Studies, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5, Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-60-21. E-mail: andrey.golovan33@mail.ru